

АФОРИСТИКА КАК НАУКА

(ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АФОРИЗМА)

Иванов Е.Е.

(Могилев, Беларусь)

Афористику можно определить как науку, которая находится на границе философии (теории познания, логики, этики и т.д.), филологии (поэтики, истории литературы, риторики, фразеологии, лингвистики текста и т.д.) и фольклора (прежде всего паремиологии) и изучает теорию и историю афоризма как специфического продукта и способа (средства) речемыслительной деятельности человека (в том числе и в ее понимании как творческого акта).

В европейской афористике, исходя из представления сложной природы афоризма как формы мысли, как продукта и способа словесного творчества (как литературно-художественного, так и фольклорного) и как феномена языка vs. речи, а также с учетом сложившихся на практике и в научной традиции тенденций, можно декларировать в самом общем виде наличие следующих эпистемологические взглядов на афоризм (госр. основных направлений его понимания и изучения).

Научно-философское понимание афоризмов ведет свое начало еще от античного протонаучного рационализма (прежде всего от известных "Афоризмов..." выдающегося древнегреческого философа и врача, основателя медицины как науки Гиппократ в V-IV веков до н.э., который положил этим начало употреблению термина "афоризм" в его традиционном значении), в западноевропейской мысли нового времени впервые эксплицируется Фрэнсисом Бэконом в его знаменитом "Novum Organum" (1620) и других его философских трудах¹ и в дальнейшем находит свое концептуальное и эмпирическое отражение почти в каждой парадигме научно-философского знания.

Наиболее существенными качествами афоризма здесь видятся его субстанциональная синтезированность как способа мышления и речи, точность в объяснении и отражении фактов действительности, логичность в определении возможных связей между ними, обязательное стремление к истине. Вообще, "научные, логически правильно сделанные действия, имеют силу только потому, что наука имеет свое определенное строение и что в ней существует область фактов и обобщений, научных, эмпирически установленных фактов и эмпирически полученных обобщений [разрядка моя - Е.И.], которые по своей сути не могут быть реально оспариваемы"². Это

¹Ср., например, конец 3-ей главы 8-ой книги "De Dignitate et Augmentis Scientiarum" (1623), озаглавленный "Образец трактата о всеобщей справедливости, или Об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов" и состоящий из ХСVII афоризмов, см.: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Москва, 1977. Т. 1. С. 484-512 и др. О присущем Ф.Бэкону афористическом способе изложения см.: Vickers B. Francis Bacon and Renaissance Prose. Cambridge University Press, 1968.

²Вернадский В.И. О научных истинах [(1937-1938) 1977] // Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. Москва, 1991. С. 93-94.

позволяет рассматривать афоризм как одну из наиболее продуктивных жанрово-стилистических форм выражения научно-философской мысли³. Ср.: При наличии непрерывного биогенного обмена атомов и энергии между живыми и косными естественными телами биосферы, существует целая пропасть в их строении и свойствах (В.И.Вернадский, "Научная мысль как планетное явление", 4, 9); англ. The set of all sets which are not containing as own elements, should on determination contain itself and to not contain itself (одна из формулировок открытого Б.Расселом парадокса теории множеств - знаменитого "парадокса Рассела"); польск.

Psychopatia oznacza dosłownie "cierpienie duszy". W dosłownym sensie tego słowa każdy człowiek jest psychopatą bo nie ma człowieka, który by w swym życiu nie cierpiał

(широко известное определение границы "нормальности" человеческой психики, принадлежащее выдающемуся польскому психиатру, создателю теории информационного метаболизма А.Кемпиньскому); бел. Паміж стопрацэнтным фразеалагізмам і свабодным словазлучэннем знаходзіцца вялікая зона, куды ўваходзіць мноства ўстойлівых словазлучэнняў з рознай ступенню фразеалагічнасці. Дыферэнцыяцыю ідыём мэтазгодна праводзіць з дапамогай цэлага шэрагу крытэрыяў для таго, каб вызначыць ступень фразеалагічнасці ідыём або выявіць, на якім этапе фразеалагізацыі яны знаходзяцца (Б.А.Плотнікаў, "Агульнае мовазнаўства") и т.п.

Именно в афоризмах излагается вся европейская доантичная философия VII-VI веков до н.э. (ср., например, дошедшие до наших дней образцы так называемой "гномической прозы предфилософской традиции" древних греков⁴). Достаточно вспомнить, например, дошедшие до наших дней (см. Диоген Лаэртский, I, 35) изречения Фалеса Милетского (640 - после 585 до н.э.), "первого" из легендарных "семи мудрецов", основателя первой философской школы Древней Греции, который первый в истории человечества поставил вопрос "Что есть все?". Ср. (в переводе с др.-греч.): Старше всех вещей - бог, ибо он не рожден; Прекраснее всего - космос, ибо он творение бога; Больше всего - пространство, ибо оно вмещает все; Быстрее всего мысль (vois), ибо она бежит без остановки; Сильнее всего - необходимость, ибо она одолевает всех; Мудрее всего - время, ибо оно обнаруживает все и т.д.⁵

Однако наиболее показательным в этом отношении примером является философское наследие Гераклита Эфесского (около 540

³См.: Fuuhoeller L. Die metaphysischen Grundlagen des aphoristischen Denkens. K-In. 1953; Kruger H. Studien u ber den Aphorismus als pholosophische Form; Margolius H. On the Uses of Aphorisms in Ethics // The Educational Forum. 28 (1963). S. 79-85; Margolius H. Values of Life. Essays and Notes. (Pandanus Press Miami) Florida, 1971; Margolius H. Zur Philosophie des Aphorismus // Proceedings of the XIIth International Congress of Philosophy. 5 (1961). S. 355-362.

⁴См.: Семь мудрецов // Фрагменты ранних греческих философов: Ч. I: От элических теокосмогоний до возникновения атомистики. Москва, 1989. С. 91-94; Фалес // Фрагменты ранних греческих философов. С. 100-115; Плутарх. Пир семи мудрецов // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград, 1990. С. 242-262.

⁵Фалес // Фрагменты ранних греческих философов. С. 103.

- около 480 до н.э.), автора грандиозной идеи о борьбе и единстве (тождестве) противоположностей, который вместо хоть сколько-нибудь связного изложения своих мыслей сознательно предлагает набор афоризмов, причем очень часто семантически построенных на глубокой метафоре и напоминающих поэтому зашифрованные ответы легендарной Дельфийской пифии.

Весьма показательно, кстати, что философская афористика Гераклита не была собранием изолированных изречений, а представляла собой, согласно древним источникам, начиная с Аристотеля (Риторика, 1407, b, 16), цельное сочинение (resp. книгу), которое называлось *О природе* (или, по другим источникам, *Музы*) и, по словам Диогена, состояло из трех частей: первая - *О космосе*, вторая - *О государстве* и, наконец, третья - *О богословии*⁶. Книга афоризмов Гераклита не сохранилась, но многие из ее фрагментов дошли до нас в текстах позднейших авторов в качестве цитат (отдельные из которых приобрели широкую известность и стали крылатыми во многих европейских языках, а в некоторых из них даже утратили устойчивую ассоциативную связь с источником своего происхождения и стали функционировать как пословицы или поговорки). Ср. (в переводе с др.-греч.): Гераклит говорит где-то, что все движется и ничто не остается на месте, и, образно сравнимая с течением реки, говорит, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку (см. Платон, Кратил, 402a), Все вещи переменчивы и ничто не остается прежним (см. Платон, Кратил, 440a), Все движется и течет (см. Платон, Теэтет, 182c) и т.п. ==> Все течет и/или все изменяется (движется), ==> англ. All things are in a flux, ==> польск. Wszystko płynie, ==> бел. Усё цячэ, усё мяняецца (в современном белорусском языке это выражение перестало ассоциироваться с именем Гераклита и функционирует как поговорка⁷). Или: На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды (см. Клеанф у Ария Дидима, цитируемого Евсевием, Приготовление к Евангелию, XV, 20, 2), ср. также Гераклит говорит где-то, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку (см. Платон, Кратил, 402a) ==> Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ==> польск. Nie można wejść dwa razy do tej samej rzeki, ==> бел. Немагчыма ўвайсці ў адну і тую ж ваду двойчы (крылатый афоризм); Те, кто слышали, но не поняли, глухим подобны: "присутствуя, отсутствуют," - говорит о них пословица (см. Климент Алекс, Строматы, V, 115, 3) ==> Имеющий уши, да услышит (Матфей, 11, 15; Лука, 8, 8; 14, 35 и т.д.); Большинство людей не мыслят вещи такими, какими встречают их и, узнав, не понимают, но воображают (см. Климент Алекс, Строматы, II, 8, 1); Личность - божество человека (см.

⁶Подобное членение книги, справедливо замечает И.Д.Рожанский, равно как и заглавие сочинения в целом, было, по-видимому, делом позднейших комментаторов, хотя в пользу безусловного единства книги Гераклита (вопреки мнению ряда исследователей) говорит первый фрагмент, выдержанный в духе вступления к последующему тексту, см.: Рожанский И.Д. Ранняя греческая философия // Фрагменты ранних греческих философов. С. 19.

⁷Ср.: Шкраба І.[Р.], Шкраба Р.[В.] Крынічнае слова: Беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1987. С. 234-235.

Стобей, IV, 40, 23); Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучно, из всего - одно, из одного - все (см. Псевдо-Аристотель, О мире, 5, 396 b, 7-25)⁸ и т.д.

К афоризмам как способу мышления и словесной оболочке мысли часто обращались и многие другие выдающиеся представители научно-философского знания Старого и Нового времени. В частности, целиком (или почти целиком) в форме афоризмов были написаны такие известные произведения западноевропейской научно-философской мысли (кроме уже упомянутых трудов Ф.Бэкона), как "Les Essais" (1580-1588) М.Монтеня, "Cogitationes privatae" (?-1650) Р.Декарта (изданные, благодаря сохранившимся копиям Г.В.Лейбница, только 1859 г.), "Aphorismen" (Йенского периода [1801-1807] 1842 и Берлинского периода [1818-1831] 1844) Г.В.Ф.Гегеля, "Aphorismen zur Lebensweisheit" (1851) А.Шопенгауэра, "Jenseits von gut und böse" (1886) Ф.Ницше (в частности, раздел четвертый - "Aphorismen und Intermedien")⁹, "Апофеоз беспочвенности" (1905) Л.Шестова, "Tractatus logico-philosophicum" (1921) Л.Витгенштейна¹⁰ и др.

Афоризмы нередко использовались как способ изложения научной мысли в области конкретных наук, как гуманитарных¹¹, так и естественных¹², ср., например, "Aphorismen aus der chemischen Physiologie der Pflanzen" (1794) А. фон Гумбольдта, "Афоризмы и мысли об истории" ([1891-1911] 1968) В.О.Ключевского и т.п. Афоризмами, в частности, назывались и языковедческие труды¹³, из которых наиболее известными (по крайней мере, в восточнославянской филологической традиции) являются "Лингвистические заметки и афоризмы" (1903) И.А.Бодуэна де Куртенэ¹⁴. Симптоматично, что в западноевропейской афористике до нашего времени сохранилось употребление и осмысление понятия "афоризм" в однозначном понимании как "научной формулировки"¹⁵.

⁸См.: Гераклит [Фрагменты] // Фрагменты ранних греческих философов. С. 188-257.

⁹Афоризмами также написаны и многие другие его произведения, в структуре идиостиля которых многими исследователями выделяется даже так называемый "феномен афористического письма", см. Подорога А.В. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. Москва, 1995. С. 212-214. Также ср.: H-nitzschel-Schlotke H. Der Aphorismus als Stilform bei Nietzsche; Greiner B. Friedrich Nietzsche: Versuch und versuchung in seinen Aphorismen. M-nchen, 1972; Heller P. "Von den ersten und letzten Dingen". Studien und Kommentar zu einer Aphorismenreihe von Friedrich Nietzsche. (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung. Bd. 1). Berlin - New York, 1972 и др.

¹⁰Русские переводы см.: Монтень М. Опыты: В 3 кн. Москва - Ленинград, 1960; Декарт Р. Частные мысли // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Москва, 1989. Т. 1. С. 573-578;

Гегель Г.В.Ф. Афоризмы / Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Москва, 1971. Т. 2. С. 530-556, 557-562; Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Санкт-Петербург, 1997; Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Москва, 1990. Т. 2. С. 238-406; Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Ленинград, 1991; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Москва, 1958.

¹¹Ср., напр.: Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Москва, 1990. Т. 9. С. 363-446.

¹²Ср., напр.: Friedrich Alexander von Humboldt's Aphorismen aus der chemischen Physiologie der Pflanzen. Aus dem Lateinischen u bersetzt von G.Fischer. Leipzig, 1794.

¹³См., напр.: Желтовъ И.М. Этимологические афоризмы // Филологическія записки. Воронежъ, 1877. Т. 16. Вып. IV. С. 65-81.

¹⁴См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Лингвистические заметки и афоризмы // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Москва, 1963. Т. 2. С. 33-55.

Не менее показательно и то, что соответствующий взгляд на афоризм развивался еще с античных времен и в системе вненаучного знания, в частности, в области оккультных наук. Достаточно вспомнить, например, аксиоматику астрологии в 100 афоризмах, изложенную знаменитым александрийским астрономом, географом, математиком, одним из основателей "научной астрологии" Клавдием Птолемеем (около 90-160 гг. н.э.). Ср. афоризмы последнего в изложении А.Лео¹⁶ (в переводе с др.-греч.): Афоризм 5: Подразделение на кардинальные, устойчивые и изменчивые дома соответствует деятельности, речи или языку, разуму или Телу, Душе и Духу или Афоризм 40: Влияния планет, преимущественно, относятся к области сверхчувственного восприятия и трудно поддаются описанию и т.д. Тот факт, что афоризм является составляющей частью языка и способа мышления как рациональной науки, так и вненаучной системы знаний, еще раз подтверждает, что методология познания действительности универсальна в своих основах при возможности одновременного существования множества путей к истине.

Философско-литературное понимание афоризма восходит к древней канонической, философской и дидактической литературе Египта, Китая и Индии, античной философии и религии, а его расцвет приходится на XVII-XVIII вв., характеризующиеся культом "всеобщего рассудка и завершенной формы"¹⁷; и конец XIX - начало XX века - период преодоления "непоколебимости" существующих принципов и законов бытия.

Главным в поисках существенно общего в неисчислимом разнообразии частных явлений жизни здесь видится глубокое и всестороннее осмысление действительности с точки зрения целостного общечеловеческого и/или индивидуального духовного опыта. В этом смысле афоризм предстает универсальным средством познания и формулирования закономерностей и норм бытия человека и природы, в том числе в их этической или морализаторской направленности. Ср.: (в переводе с кит.) Утром познав истину, вечером можно умереть (Конфуций)¹⁸; (в переводе с др.-греч.) Все уносящее время в течение своем изменяет Имя и форму вещей, их естество и судьбу (Платон, "О быстротечности времени")¹⁹; англ. Good-breeding, as it is called, is different in almost every country, and merely local; and every man of sense imitates and conforms to that local good-breeding of the place he is at (P.D.Chesterfield, "Letters to the son"); In tyme the strong and statelie turrets fall, In tyme the Rose,

¹⁵См.: Mautner F.H. Maxim(e)s, Sentences, Fragmente, Aphorismen // Actes du IV-e Congrès de l'Association internationale de littérature comparée (Fribourg 1964) / R-d. par François Jost. The Hague - Paris, 1966. II. Termes et notions littéraires: imitation, influence, originalité. S. 812-819.

¹⁶См.: Лео А. Сто афоризмов Клавдия Птолемея // Звездный путь астрологии. Москва, 1993. С. 237-246.

¹⁷Эпштейн М.Н. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. Москва, 1987. С. 44.

¹⁸Перевод В.В.Малявина, см.: Афоризмы старого Китая [1988]. 2-е изд., испр. Москва, 1991. С. 17.

¹⁹Перевод Л. Блуменау, см.: Платон // Греческая эпиграмма. Санкт-Петербург, 1993. С. 42.

and silver Lillies die, In tyme the Monarchs captives are and thrall, In tyme the sea, and rivers are made drie: The hardest flint in time doth melt asunder, Still-living fame in tyme doth fade away, The mountaines proud, we see in tyme come under, And earth for age, we see in tyme decay: The sunne in tyme forgets for to retire From out the east, where he was woont to rise: The basest thoughtes, we see in time aspire, And greedie minds in tyme do wealth dispice. Thus all (sweet faire) in tyme must have an end... (G.Fletcher, Sonnet 28)²⁰; польск. Szczętem

wolności - wolność od sumienia (T.Kotarbiński); Przyjemno ść ma się do szczęścia mniej więcej tak, jak drzewo do ogrodu, nie ma ogrodu bez drzew, ale drzewa, nawet w wielkiej ilości, nie stanowią jeszcze ogrodu

(W.Tatarkiewicz); бел. Сцвярджае час: заўжды жыццю на змену Прыходзіць смерць, для ўсіх - адзін закон, І некалі жыццёвую арэну Пакіне род людскі на схіле дзён. Ты клічнік ставіш, час! А я - пытальянік: А што, калі закон парушыць той Мой слаўны род і вынайдзе - стваральнік - Жывы бялок, што злучыцца з вадой І дзікаватым племам неўміручым Расселіцца па ўсіх мацерыках? А што, калі мы жыць яго навучым, Свет разумець, хадзіць на дзвюх нагах, Перададзім сякеру - з рук у рукі, Перададзім падручнік, а затым Усе здабыткі працы і навукі? ...Час, паспрабуй тады спрачацца з ім! (А.Куляшоў, "Сцвярджае час: заўжды жыццю на змену...") и т.п.

Само паняцце афорызма впершыне ў заападнаеарапеекэй лятэратуре было экспліцыравана ізвестным іспанскім пісателем Б.Грасіанам (1601-1658) в яго уже упомянутой знаменитой книге афоризмов "Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian" (1647)²¹, однако впоследствии вновь стало широко замещаться уже привычными понятиями "сентенция", "апоф(т)егма" и сравнительно новым (в данном значении) понятием "максима". В последние полвека собственно философская направленность жанра афоризмов утратила свою былую популярность в европейской литературе (особенно при создании афористических текстов обособленного характера) и остается продуктивной лишь в области этики²².

В качестве разновидности философско-литературного направления в афористике можно выделить литературно-публицистическое понимание афоризма, истоки которого можно найти еще в трудах выдающегося римского историка и государственного деятеля Корнелия Тацита (55-57 гг. н.э. - ?), изобилующих афоризмами общественно-политического и социально-этического содержания.

²⁰Ср. русский перевод Г. Русакова: С годами башни оседают в тлен, С годами алость розы потухает, С годами гордый сломлен и презрен, С годами океан пересыхает, С годами разрушается кремль, С годами осыпаются вершины, С годами слава отступает в тень И в лик земли врезаются морщины. С годами даже солнце поутру На небосводе задержаться радо. Бесчестье приобщается к добру, Корыстолюбцу золота не надо. С годами все меняется вокруг. Лишь ты не изменяешься, мой друг (см.: Английский сонет XVI-XIX веков. Москва, 1990. С. 83).

²¹Русский перевод см.: Грасиан Б. Карманный оракул, или Наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлеченные из сочинений Лоренсо Грасиана // Грасиан Б. Карманный Оракул. Критикон. Москва, 1984. С. 5-65.

²²Ср., напр.: Adorno T.W. Minima Moralia. Reflexionen aus dem besch-digten Leben. Frankfurt, 1962; Margolius H. On the Uses of Aphorisms in Ethics и т. д.

Уже в первом литературном произведении Тацита "De vita Julii Agricolaе" (начало 98 н.э.) выявился его исключительно своеобразный стиль, одним из основных компонентов которого было "стремление к семантической полновесности и сжатой выразительности"²³. Это в сочетании с общей установкой на поучительность, поскольку Тацит как и большинство античных историков был моралистом, и публицистичность его произведений, где отражались лишь "наиболее значительные деяния" ("Анналы", XIII, 34), порождало обилие сентенций, глубоких обобщений, остроумных изречений, весьма искусно вплетенных в общий ход повествования и часто занимающих центральное место в содержательной и/или композиционно-стилистической структуре текста. Ср., например, только в первой книге известной "Historiae" (? - не ранее 110 н.э.): (в переводе с лат.) Если у кого нет врагов, его губят друзья (1, 2); Правители всегда подозревают и ненавидят тех, кто может прийти им на смену (1, 21); Преступлению нужна внезапность, доброму делу - время (1, 32); Человек всегда спешит примкнуть к другим, но медлит выступить первым (1, 55); Во время гражданских смут самое безопасное - идти вперед, и действовать важнее, чем рассуждать (1, 62); Всегда легче примкнуть к тому, кто ближе и сильнее (1, 76); Власть, захваченную преступлением, нельзя удержать, внезапно вернувшись к умеренности и древней суровости нравов (1, 83)²⁴ и т.п. Публицистическое направление в афористике впервые было эксплицитовано в испанской литературе XVI века А.Пересом, который "назвал афоризмами свои замечания на тему политической морали"²⁵, однако окончательно генологически оформилось только в наше время, прежде всего в творчестве К.Чапека (1890-1938), С.Е.Леца (1909-1966) и др.

Основным предназначением афоризма здесь видится отражение в аналитической или критической (в том числе и сатирической) форме сути глубинных процессов и явлений социально-политической жизни общества, закономерностей исторических событий, роли в них каждого индивидуума, его духовных и интеллектуальных качеств, нередко с морализаторским уклоном или дидактической направленностью. Ср.: Война есть убийство. И сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире (Л.Н.Толстой, "Круг чтения", XLII); Мы хлопочем, чтобы изменить жизнь, чтобы потомки были счастливы, а потомки скажут, по обыкновению: прежде лучше было, те-

²³Тронский И.М. Корнелий Тацит // Тацит, Корнелий. Сочинения: В 2 т. Москва, 1993. Т. 2. С. 213.

²⁴Перевод Г.С. Кнабе, см.: Тацит, Корнелий. История // Тацит, Корнелий. Сочинения. С. 5-202.

²⁵Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. Москва, 1990. С. 13.

²⁶Ср. русский перевод Б. Пастернака: Измучась всем, я умереть хочу. Тоска смотреть, как мается бедняк, И как шутя живетя богачу, И доверять, и попадать впросак, И наблюдать, как наглость лезет в свет, И честь девичья катится ко дну, И знать, что ходу совершенствам нет, И видеть мощь у немощи в плену, И вспоминать, что мысли замкнут рот, И разум сносит глупости хулу, И прямодуше простотой слывет, И доброту прислуживает злу. Измучась всем, не стал бы жить и дня, Да другу трудно будет без меня (см.: Английский сонет XVI-XIX веков. С. 209).

перешняя жизнь хуже прежней (А.П.Чехов, "Записные книжки");
англ. Tired with all these, for restful death I cry, As, to behold desert a
beggar born, And needy nothing trimm'd in jollity, And purest faith unhappily
forsworn, And gilded honour shamefully misplaced, And maiden virtue
rudely strumpeted, And right perfection wrongfully disgraced, And strength
by limping sway disabled, And art made tongue-tied by authority, And folly
doctor-like controlling skill, And simple truth miscall'd simplicity, And captive
good attending captain ill: Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone (W.Shakespeare, Sonnet 66)²⁶; польск.

W krajach, których obywatele nie czują się pewni w więzieniach, nie czują się również pewni na
wolności / Wolności nie można symulować! (S.J.Lec, "Myśli nieuczestane");

бел. Стагналі людзі - то нічога, Клялі - і гэта не бяда, Калі ж смяецца
грамада, То смех такі гаворыць многа (Я.Колас, "Рыбакова хата") и т.п.

Литературно-художественный взгляд на афоризм теоретически
не эксплицировался отдельно от философско-литературного по-
чти до середины XX века, когда известным испанским писателем и
литературоведом Рамоном Гомесом де ла Серна (1888-1963) была
предложена собственно эстетическая концепция истории и разви-
тия литературной афористики²⁷.

Афоризм здесь определяется как жанровая форма художествен-
ного словесного творчества, а по своим основным качествам рас-
сматривается как результат не только мыслительной, но и художе-
ственной деятельности, когда вместе с обязательной остроумно-
стью обобщенной мысли особенную значимость приобретает по-
этическая и стилистическая форма ее выражения (использова-
ние разнообразных тропов, стилистических фигур речи, поэтиче-
ских средств и под.). Ср.: Любовь!... в ней все тайна: как она прихо-
дит, как развивается, как исчезает. То является она вдруг, несом-
ненная, радостная, как день, то долго тлеет, как огонь под золой, и
пробивается пламенем в душе, когда уже все разрушено; то впол-
зает она в сердце, как змея, то вдруг выскользнет из него вон (И.С.
Тургенев, "Рудин", VI); Мы, возводя соборы космогоний, Не внеш-
ний в них отображаем мир, А только грани нашего незнания.
Системы мира - слепки древних душ, Зеркальный мир взаимоот-
ражений Двух противопоставленных глубин (М.Волошин, "Путями
Каина"); англ. Hope springs eternal in the human breast: Man never is,
but always to be, blest. The soul, uneasy and confin'd from home, Rests
and expatiates in a life to come (A.Pope, "Essay on Man")²⁸; польск.

Kochać i tracić, pragnąć i żalować, Padać boleśnie, i znów się podnosić, Krzyczeć tęsknocie "precz!" i
błagać "prowadź!" Oto jest życie: nic, a jakże dosyć (L.Staff); Świat jest oceanem szczęścia - to
wiadomo. Wszyscy, którzy pływają po nim, są bardzo zadowoleni i - mają słusność. Że się ten i ów
zachłynał, a ktoś inny utonął - to nie argument. Z tej zasady wychodząc postanowiłem zrobić się
optymistą. Rzecz nader łatwa: potrzeba tylko oglądając fakta przechodzić na drugą stronę (B.Prus);

²⁷См.: Gomez de la Serna R. Total de greguerias / Con prov. y il. orig. del propio aut. Madrid, 1955; Gomez de la Serna R. Total de Greguerias. Madrid, 1962.

²⁸Ср. русский перевод В.Микушевича: Надежда в нашем сердце, как звезда, Благословенье - в будущем всегда, На родину в томлении спеша, Иную жизнь приветствует душа (см.: Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. London, 1969. Prov. 313).

бел. Рупная пчала ўмее ў соты мёд сабраць і з горкіх кветак (М.Багдановіч, "Летапісец"); Дзе нам баліць, там і душа: З душы ўвесь чалавек сабраны. Мы адкрываем нечакана: Дзе нам баліць, там і душа. Таму чым большая душа, - Даўжэй шчымяць і ньюць раны... Дзе нам баліць, там і душа: З душы ўвесь чалавек сабраны (Я.Сіпакоў, триолет "Дзе нам баліць, там і душа...") і т.п.

При этом содержание афоризма идейно и тематически не ограничивается только обращением к "глобальным" проявлениям жизни, представляет собой скорее образно-метафорическое, чем рациональное, объяснение действительности. Ср.: Полная девочка похожа на булку (А.П.Чехов, "Записные книжки"); Паровоз никакой пылинки не любит: машина, брат, это - барышня... Женщина уж не годится - с лишним остервенением машина не пойдет (А.Платонов, "Чевенгур"); англ. Sweet are the uses of adversity, Which, like the toad, ugly and venomous, Wears yet a precious jewel in his head; And this our life exempt from public haunt Finds tongues in trees, books in the runnig brooks, I would not change it (W.Shakespeare)²⁹; польск.

Najsmaczniejszy jest papieros przed śniadaniem. Skracza życie. I wszyscy ukradkiem skracają

swoją egzystencję. Coś w tym musi być. Jakiś wyższy nakaz albo może prawo natury przeludnionego

globu (T.Konwicki); Tango - to smutna myśl, którą się tańczy (E.Stachura);

бел. Самыя непатрэбныя рэчы ў кватэры -- падарункі (А.Глобус, "Грыгеры") или Захапляцца ўласнаю працаю найлепей у цішыні ўласнага кабінета, сам-насам (А.Глобус, "Post Scriptum", 1, 12) и т.п.

Поэтико-риторическое освещение афоризмов встречается уже в античных риториках и поэтиках, но своим действительным становлением обязано знаменитому трактату Б.Грасиана "Arte de ingenio, tratado de agudeza (Agydeza y arte de ingenio)" (1648)³⁰. В рамках этого направления в афористике определяются поэтические и риторические условия и средства создания афоризмов и их функционирования в качестве отдельных текстов (или их структурно-композиционных элементов). Обращается внимание на то, что естественно свойственное афористическому стилю мышления и речи стремление к идейно-содержательной убедительности (часто демонстративной директивности) основывается и достигается более не новизной или аргументированностью самой мысли, а посредством намеренной неожиданности и непривычности ее формулирования и выражения.

Последнее позволяет придавать поистине "ошеломляющее воздействие"³¹ даже избитым до тривиальности обобщениям (в частности и посредством их использования в качестве исходных текстов для построения новых, заведомо не синонимичных им афористических высказываний). Ср.: Пифагоровы штаны во все стороны

²⁹Ср. русский перевод Т.Щепкиной-Куперник: Есть сладостная польза и в несчастье: Оно подобно ядовитой жабе, Что ценный камень в голове таит. Находит наша жизнь вдали от света В деревьях - речь, в ручье текущем - книгу, И проповедь - в камнях, и всюду - благо. Я б не сменил ее! (см.: Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 629).

³⁰Русский перевод см.: Грасиан Б. Остроумие, или Искусство изощренного ума // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / Сост. А.Л. Штейн. Москва, 1977. С. 169-464.

³¹См.: Meyers Enzyklopedisches Lexikon. Mannheim, 1971. Bd. 2. S. 387.

ны равны (непроизводная крылатая фраза, остроумно формулирующая знаменитую "Пифагора теорему": Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов)³²; Минер ошибается раз в жизни, - когда идет в минеры Минер ошибается раз в жизни (пример Г.Е.Крейдлина)³³; англ. He who goes against the fashion is himself its slave (L.P.Smith), ставшее крылатым³⁴; The Love which us doth bind But Fate so enviously debare Is The Conjunction of the Mind And Opposition of the Stars (A.Marvell, "The Definition of Love"); польск.

Każdy wiek ma swoje średniowiecze (S.J.Lec, "My śli nieuczესane"); Si la indywidualno ści leży nie w tym, czym jest, lecz w tym, czym nie jest (S.Brzozowski); Bogu co boskie, cesarzowi co cesarskie. A co ludziom? (S.J.Lec, "My śli nieuczесane") Ő Co cesarskie - cesarzowi, co boskie - Bogu (Biblia NT, "Ewangelia Św. Mateusza", 22, 15-21);

бел. Другі баран - ні "бэ" ні "мя", а любіць гучнае імя или Разумных бараноў наогул жа нямнога (К.Крапіва, "Дыпламаваны баран"); Джардана Бруна быў спалены не таму, што зямля круціцца, а таму, што ўведаў гэта дачасна, - апраўдваліся інквізітары (М.Коўзкі, "Доля праўды") и т.п. Именно поэтому афоризм как речевой жанр является неотъемлемой частью эристики, общественно-политической сферы коммуникации и языка рекламы (см. выше).

Давний интерес филологов вызывали также структурные и функциональные особенности афоризма как произведения речи и способа вербального мышления. Так, еще в античной афористике под др.-греч. ἀφορισμός понимался кроме всего прочего еще и лаконичный, фрагментарный стиль речи (ср. ἀφορισί - определение < ἀφορίζω - отдаляю, отграничиваю, определяю < ὀρίζω - устанавливаю границу, определяю + префикс удаления, отделения ἀφ-), а также особенное по форме построения высказывание³⁶.

До относительно недавнего времени внимание лингвистов притягивали в основном вопросы семантической и грамматической структуры афоризмов, преимущественно стилистические аспекты их функционирования (обычно в языке художественной литературы), однако только как наличных произведений речи и прецедентных текстов.

Показательно в этом смысле, что именно вне лингвистики, в терминах "структурно-паремиологической" интерпретации афористики была высказана и теоретически обоснована мысль о принадлежности афоризмов языку безотносительно их возможного определения как элементов других знаковых систем: "троякая природа пословиц и поговорок требует и троякого к ним подхода - как к явлениям языка, явлениям мышления и явлениям фольклора, тем более что названные три плана пословичных изречений в значительной степени автономны"³⁷.

³²Данное выражение говорится также и "о широких штанах", см. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. Москва, 1994. С. 122.

³³См.: Крейдлин Г.Е. Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики: (1985-1987). Москва, 1989. С. 200.

³⁴См.: Ridout R., Witting C. English Proverbs Explained. Prov. 289.

³⁵См.: Brzozowski S. Aforyzmy / Wyb. A. Mencwel. Warszawa, 1979. S. 35.

³⁶См.: Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. С. 12-13.

³⁷Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). Москва, 1970. С. 8.

Вместе с тем, до начала XX века афоризм не рассматривался в терминах лингвистики (соответственно, не существовало в языковедении и самого понятия афоризма), хотя внимание лингвистов всегда привлекали высказывания со значением вневременного обобщения действительности (преимущественно клишированные - прежде всего из числа пословиц и поговорок), главным образом с точки зрения их грамматической формы, семантической специфики, а также некоторых особенностей их возникновения и функционирования. В частности, в восточнославянской лингвистической традиции еще А.А.Потебней в его известной работе "Из лекций по теории словесности: (Басня. Пословица. Поговорка)" (1892) была сделана попытка объяснить феномен образования свойственной пословицам и поговоркам семантики образного обобщения действительности, что выдающийся украинский языковед определил как процесс так называемого "сгущения мысли"³⁸.

Вместе с отдельными исследованиями синтаксического построения русских пословиц³⁹ (в том числе и в лингводидактических целях⁴⁰) те из последних, которые имеют прямую мотивировку своего значения, традиционно широко рассматривались при описании грамматической системы русского языка (и вообще современных славянских языков). Весьма показательным в этой связи примером является проблема семантико-грамматической квалификации в русском языке конструкций следующего типа, широко представленных в текстах пословиц и поговорок. Ср.: Мед сладко, а муха падко; Ум хорошо, а два лучше того и т.п. Этот вопрос в русистике начал разрабатываться еще в XVIII веке и по сей день не нашел своего однозначного разрешения⁴¹.

Афоризм был эксплицирован как собственно лингвистический объект только в начале последнего столетия в рамках стилистики, когда появились первые попытки его эпистемологической квалификации как разновидности прозаического текста специфической структуры⁴² и определения дифференциальных признаков афоризма как художественного произведения⁴³.

³⁸См.: Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка [1892] // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. Москва, 1990. С. 100.

³⁹Ср., напр.: Глаголевский П.П. Синтаксисъ языка русскихъ пословиць. Санктъ-Петербургъ, 1874.

⁴⁰Ср., напр.: Деркачевъ И. Русскій синтаксисъ в пословицахъ и поговоркахъ // Учитель (Журналъ для наставниковъ и родителей). Санктъ-Петербургъ, 1870. Т. IX. № 2. С. 43-50; Барсовъ А.В. Пословицы // Барсовъ А.В. Живое слово для изучения родного языка: (Методика русскаго языка въ разсказахъ и объясненіяхъ): Курсъ 2-го класса // Филологическія записки. Воронежъ, 1890. Т. 29. Вып. 2. Ч. IV. С. 18-22.

⁴¹Ср., например, существующие мнѣнія (в их хронологии): Буслаевъ Ф.И. Историческая грамматика русскаго языка [(1858) 1881]. Москва, 1959. С. 446; Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [1874-1941]: В 4 т. 3-е изд. Москва, 1958. Т. 1-2. С. 114-115; Шахматовъ А.А. Синтаксисъ русскаго языка [1925-1927]. 2-е изд. Ленинград, 1941. С. 140; Чернышевъ В.И. О нарушении согласования в русскаомъ языкѣ [1938] // Чернышевъ В.И. Избранные труды: В 2 т. Москва, 1970. Т. 1. С. 194-198; Булаховскій Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 3-е изд., испр. и доп. Киев, 1950. С. 209; Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянскихъ языков. Члены предложения / Под ред. В.И. Борковского. Москва, 1968. С. 10; Грамматика современного русскаго литературнаго языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва, 1970. С. 556; Тарлановъ З.К. О предложении типа Ум - хорошо в русскаомъ языкѣ // Языкъ русскаго фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 5-14 и т.д.

Под мощным влиянием параллельного развития литературоведческих направлений в афористике (прежде всего литературно-философского и литературно-художественного⁴⁴) до середины XX века афоризм рассматривался в лингвистике только как литературный текст и/или как интертекстуальный элемент, прежде всего литературных текстов. Показательно, что такое понимание афоризма является весьма распространенным и в современном языкознании, а в некоторых его частных ответвлениях (например, в белорусистике) и вообще единственно принятым⁴⁵.

В начале 1950-х гг. в связи с развитием в русистике изучения устойчивых в речи словесных комплексов (в том числе и устойчивых фраз) понятие афоризма было транспонировано во фразеологию, прежде всего применительно к пословицам и поговоркам, которые начали квалифицироваться как так называемые "народные афоризмы"⁴⁶, а затем и просто как "афоризмы"⁴⁷, а во-вторых, применительно к крылатым фразам, литературным цитатам и идиостилистическим фразовым инновациям с семантикой обобщения действительности, которые вместе со всеми другими несвободными словесными комплексами (в том числе и окказиональными) были объединены в рамках так называемой "фразеологии языка писателя"⁴⁸. Тогда же получила свое начало не оконченная и по сегодняшний день дискуссия о принадлежности vs. непринадлежности фольклорных и нефольклорных (resp. литературных) афоризмов к фразеологическому со-

⁴²См.: Meyer R.M. Aphorismus // Meyer R.M. Deutsche stilistik. 2. verb. und verm. Aufl. M[un]chen, 1913. S. 168-171.

⁴³См.: Рыбникова М.А. Введение в стилистику. Москва, 1937. С. 256-258.

⁴⁴Типологию существующих представлений об афоризме в историческом и системном аспектах см.: Іваню Я.Я. Афарызм як прадмет філагогіі і аб'ект лінгвістыкі. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Мінск, 1994. № 3. С. 61-63; Іваню Я.Я. Афарызм у сусветнай і еўрапейскай літаратуры і культуры: (Да гісторыі і тэорыі афарызмы як асобнай сістэмы ведаў) // Адам Міцкевіч і сусветная культура = Adam Mickewicz i kultura światowa: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна - Навагрудак, 12-17 мая 1997 г.): У 5 кн. Гродна, 1998. Кн. 5. С. 79-93.

⁴⁵Ср., напр.: Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я.Міхневіча. Мінск, 1994. С. 60-61.

⁴⁶Сам термин "народный афоризм" был, по мнению Н.Т.Федоренко и Л.И.Сокольской (см.: Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. С. 103), впервые употреблен в собственном филологическом смысле Н.Ф.Бабушкиным, см.: Бабушкин Н.Ф. Фразеологические обороты в сочинениях В.И.Ленина: (Пословицы, поговорки, крылатые слова) // Русский фольклор: Материалы и исследования. Москва - Ленинград, 1956. Вып. 1. С. 5-21.

⁴⁷Это, кстати, соответствовало традиционному (иначе можно сказать "широкому") пониманию афоризма, ср.: Афоризмы // Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефронъ. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2а. С. 494. Также ср.: Фюрстенберг А.И. Афоризм // Большая Советская Энциклопедия [1926-1947]: В 30 т. 3-е изд. Москва, 1970. Т. 2. С. 434. В лингвистику такое "широкое" понимание афоризма, эксплицированное уже М.А.Рыбниковой в ее "Введении в стилистику" (1938), проникло, видимо, независимо от соответствующей литературоведческой интерпретации афоризма, ср.: Тимофеев Л.И., Венгров Н.[(М.)П.]. Краткий словарь литературоведческих терминов [1955]. 4-е изд., испр. и доп. Москва, 1963. С. 19; Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / Гл. ред. А.А.Сурков. Москва, 1962. Т. 1. С. 366; Гаспаров М.Л. Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. С. 43.

⁴⁸Ср., напр.: Рудов В.Ф. Фразеология произведений М.Горького / Ученые записки Таганрогского государственного педагогического института. Таганрог, 1957. Вып. 1. Т. 2.

⁴⁹См.: Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. Москва, 1952. № 3. С. 98; Гудок В.С. Афоризм и пословица // Вопросы русской литературы. Львов, 1967. Вып. 2 (5). С. 88-96; Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. С. 101-103 и т.д.

ставу языка и вообще к предмету лингвистики⁴⁹.

Собственно лингвистический взгляд на афоризм как специфически структурированное несвободное сочетание слов начал активно развиваться примерно с середины XX века в связи со становлением фразеологии в качестве отдельного раздела языкознания.

Традиционно те афоризмы, которые приобрели в речи статус воспроизводимых, либо вообще исключали из системы языка как его так называемый "экстралингвистический" феномен (застывшие обороты речи, содержание которых формируется за пределами внутриязыковых семантических категорий, а признаки воспроизводимости которых "невозможно объяснить в терминах уровневого моделирования"⁵⁰), либо, наоборот, включали в корпус собственно фразеологических единиц языка как "фразеологические выражения", "устойчивые фразы", "клишированные фразы". Однако существенная разница между "фразеологическими выражениями и т.д." и другими типами фразеологизмов даже безотносительно грамматической структуры обоих (первые являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами и поэтому эквивалентны предложениям, тогда как другие передают только одно понятие, т.е. равнозначны словам) вызвало сначала выделение афоризмов в особую категорию уже в составе самой фразеологии - так называемую "афористическую фразеологию" (термин С.Г.Гаврина), а в дальнейшем и попытки их описания в языке не в терминах фразеологии.

Начало 1970-х гг. было отмечено возникновением независимо друг от друга сразу трех подходов к изучению тех афоризмов, которые являются устойчивыми в речи фразами: во-первых, как единиц фразеологической системы языка ("фразеологический" взгляд на афоризм, наиболее последовательно обоснованный С.Г.Гавриным⁵¹), как единиц так называемого "паремиологического фонда языка" (ср. получившее широкую известность лингвистическое осмысление афоризма в терминах "структурной паремиологии" Г.Л.Пермяковым⁵²), и, в-третьих, как единиц особого, "афористического" уровня языка при описании его национально-культурной семантики в учебных целях ("лингвострановедческая" теория афоризма, впервые предложенная Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым при разработке лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка как иностранного⁵³). Именно в рамках последнего подхода была впервые высказана мысль о безоговорочном приоритете в лингвистическом изучении афоризма только анализа "общезыковых" единиц - тех афористических фраз, которые хорошо известны всем носителям данного идиома и широко распространены в речи, т.е. "массово воспроизводятся"⁵⁴.

⁴⁹Общее языкознание: Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А.Серебренникова. Москва, 1972. С. 510.

⁵¹Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Ученые записки Пермского государственного педагогического института. Пермь, 1971. Т. 87. С. 3-23.

⁵²См.: Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. Москва, 1988.

⁵³См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. С. 71-80.

Понимание афористики как самостоятельной лингвистической дисциплины со своими специфическими единицами сложилось в начале 1970-х гг. при лингвострановедческом описании русского языка. Общеупотребимые (воспроизводимые) - "языковые" - афоризмы в противопоставление афоризмам разового употребления (творимым) - "речевым" были определены как "строевые единицы языка vs. речи" - так называемые "афористические"⁵⁵. Их обязательная в этом случае изоморфность по структуре и способам функционирования другим строевым единицам языка (словам и фразеологизмам) осмысливается обычно согласно следующих аналогий: "Все они представляют собой клише (т.е. воспроизводятся), являются знаками, способны иметь мотивировку своего значения, отличаются функциональным сходством (т.е. прежде всего используются в номинативных целях), имеют парадигмы"⁵⁶.

Появление оригинальных интерпретаций языковой природы афоризма в терминах фразеологии и особенно структурной паремиологии и лингвострановедения стимулировали и в определенной мере углубили исследования афоризма и как речевого произведения (преимущественно в языке художественной литературы), причем в терминах не только лингвистики, но и литературоведения. В частности, в белорусистике с момента издания Ф.М.Янковским широко известного и единственного пока в своем роде сборника "Крылатыя словы і афарызмы: 3 беларускіх літаратурных крыніц" (1960) понадобилось почти четверть века, пока (во многом под обычным для белорусского языкознания влиянием русской лингвистической мысли) впервые была поставлена проблема изучения афоризма в терминах лингвистики в статье А.Е.Михневича "Афарыстыка Якуба Коласа: (Да пастаноўкі праблемы)" (1983) и еще более десятка лет до попыток теоретического осмысления языковой сущности афоризма. На русском языке только в середине 1970-х гг., если не считать популярной статьи Л.Успенского "Коротко об афоризмах" (1964)⁵⁷, появилось первое серьезное теоретическое обобщение поэтической природы афоризма "Меткость слова: (Афористика как жанр словесного искусства)" (1975) академика Н.Т.Федоренко, а первый опыт общей теории афористики в терминах лингвострановедения - монография "Афористика" (1990) Н.Т.Федоренко и Л.И.Сокольской и вообще относительно недавно.

С середины 1970-х гг. в связи с достижениями лингвистики в изучении семантики высказывания появились первые попытки

⁵⁴См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 73. Ср. также первый и пока единственный собственно "афористический" словарь русского языка: Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь [1980] / Под ред. Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1988.

⁵⁵См.: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов. С. 71 и далее.

⁵⁶Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895-1970). Москва, 1975. С. 250.

⁵⁷Успенский Л. Коротко об афоризмах // Афоризмы. Избранные изречения деятелей литературы и искусства / Сост. Е.С.Райзе. Ленинград, 1964. С. 3-20.

рассмотрения афоризма и как структурной разновидности (наряду с "сентенциями", "максимами", "пословицами" и т.д.) такого функционально-семантического типа высказываний по способу отражения действительности, в которых не сообщается о тех или иных конкретизированных фактах, а содержится какое-то отвлеченное суждение (так называемых "универсальных высказываний")⁵⁸. Такое описание афоризма в рамках функционально-семантической типологии высказывания эпистемологически ограничилось выявлением некоторых общих семантических и структурных признаков афоризма со сходными по характеру обобщения клишированными и неклишированными высказываниями, противопоставляемым всем иным, "не универсальным" высказываниям только в семантическом отношении.

Вместе с тем следует заметить, что несмотря на выделение афоризма в качестве объекта лингвистики само понятие афоризма далеко не всегда эксплицируется при изучении свободных и особенно устойчивых в речи фраз (прежде всего из числа пословиц, поговорок и крылатых выражений) с семантикой вневременного обобщения действительности. Это объясняется, как уже говорилось, отсутствием более или менее общепринятого определения самого понятия афоризма⁵⁹ несмотря на существующие попытки объективизировать его понимание как лингвистического феномена⁶⁰.

Вместе с тем, имплицитно афоризм исследуется как в рамках частной языковедческой проблематики, так и с общелингвистических позиций достаточно широко. Фразы с семантикой вневременного обобщения действительности (либо же те или иные особенности их семантики, структуры, функционирования и т.д.) обычно рассматриваются при изучении разных аспектов плана содержания и плана выражения крылатых выражений, пословиц, поговорок (и иных разновидностей клишированных фраз) как единиц языка vs. речи и как наличных прецедентных текстов, а также семантики слова и высказывания, синтаксических моделей предложения, содержательных, структурных и других особенностей художественных идиостилей (при этом понятие афоризма замещается обычно понятиями "максима", "сентенция", "гнома") и т.д.

Языковая природа афоризма как специфического продукта и знакового средства речемыслительной деятельности стала предметом более или менее серьезного внимания лингвистов только в последние два-три десятилетия⁶¹. Тем не менее сложившиеся проблемная широта вопросов собственно лингвистического изучения афоризма, основательность и глубина отдельных интерпретаций его языковой природы и осмысления места афоризмов в системе

⁵⁸См.: Шмарина В.И. Универсальное высказывание и лингвистические средства его выражения: (На материале английского языка): АКД. Москва, 1975; Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. Москва, 1986. № 3. С. 56-62.

⁵⁹Ср. в русистике, см.: Прохоров Ю.Е. Афоризм // Русский язык: Энциклопедия [1979] / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1997. С. 42.

⁶⁰Ср. в белорусистике, см.: Міхневіч А.Я. Афарызмы // Беларуская мова: Энциклапедыя. С. 60-61.

современных представлений о языке достигли на сегодняшний день того предела, за которым все существующие попытки изучения лингвистики афоризма в своей совокупности необходимо рассматривать уже как эпистемологически (хотя пока и не категориально) гомогенное и в достаточной степени самостоятельное ответвление лингвистического знания.

Ярким свидетельством этого является отражение самого понятия афоризма в лингвистических энциклопедиях и словарях лингвистических терминов (ставшее в последнее время более или менее регулярным)⁶², а также все большее и большее утверждение в современной лингвистике той мысли, что "устойчивые выражения-предложения, авторами которых являются конкретные люди (писатели, ученые, деятели культуры и др.), - цитаты, афоризмы, крылатые выражения и т.п." должны изучаться отдельно, для чего и "формируется филологическая дисциплина - афористика"⁶³.

Следует отметить, что современное лингвистическое осмысление афоризма не ограничивается только исследованием языковых особенностей афоризма как речевого произведения и жанровой разновидности текста⁶⁴, определенное внимание лингвистов уделяется и рассмотрению его знаковой природы в системе языка и специфики ее манифестации в речи⁶⁵.

Таким образом, в афористике как филологической дисциплине постепенно очерчивается еще один системно-научный взгляд на афоризм - лингвистический, имеющий все основания развиваться в самостоятельную область знаний об афоризмах, которую можно определить как лингвистическую афористику (или лингвоафористику).

Объектом лингвоафористики можно определить афористическое по содержанию и по форме его выражения несвободное сочетание слов (синтаксически эквивалентное предложению), функционирование которого в речи может быть либо массовым (поговорки, крылатые выражения, призывы, девизы, лозунги, общеизвестные общественно-философские формулы и научные формулировки и т.д.), либо индивидуальным (афористические художественные тексты и цитаты-афоризмы, неклишированные афоризмы и т.д.).

Целью лингвоафористики, дисциплины во многом сходной по внутреннему строению с фразеологией, является изучение закономерностей афористической структуризации слов и словесных зна-

⁶¹Интересно, что термин афоризм известен в русском языке с XVIII века (ср. афоризм, см.: Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Санкт-Петербург, 1789. Ч. 1. С. 63) и является заимствованием скорее всего нем. Aphorismus или фр. aforisme от лат. aphorism (< греч. ἀφορισμός - определение < ἀφορίζω

- отдаляю, отграничиваю, определяю < ἀρίζω - устанавливаю границу, определяю с префиксом удаления, отделения ἀφ-, см.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка [(1970) 1993]: В 2 т. 2-е изд. Москва, 1994. Т. 1. С. 60).

⁶²Ср., напр.: Русский язык: Энциклопедия. С. 42; Сцяцко П.У., Гуліцкі М.Ф., Антанюк Л.А. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў. Мінск, 1990. С. 28; Беларуская мова: Энциклопедія. С. 60-61; Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. Москва, 1995. С. 17.

⁶³Плотнікаў Б.А. Фразеалогія // Плотнікаў Б.А. Агульнае мовазнаўства. Мінск, 1994. С. 246.

⁶⁴Королькова А.В. Русская афористика. Москва, 2005.

чений в специфические по своей семантике свободные высказывания и устойчивые фразы; и описание на этой основе афористических единиц по их типам в современном состоянии и в историческом развитии, а ее главной задачей - описание и классификация афоризмов как единиц языка.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова